

стояние которых сильно страдает вследствие крупных издержек, вызываемых нуждами наших окраин». Разумеется, пафос министра финансов был наигран: за несколько месяцев до того он был готов вообще не брать контрибуции – получается, что тогда население ещё не страдало? Но раз уж Пекин отказался подписать сепаратный договор, то есть, не предоставил России экономического господства в Маньчжурии (а то, что деньги, собранные с того же народа, в случае удачи переговоров направились опять же – в Маньчжурию – не явилось бы ударом для великорусских губерний?), то «снихождение к Китаю не должно быть соединено с ущербом для русского народа»¹⁹⁶.

Разногласия держав удалось преодолеть к осени 1901 г. В итоге непростых переговоров общая сумма выплат составила 450 млн. лан, на долю России пришлось 130,37 млн. лан (28%, или 184,084 млн. руб.). Платежи начинались с 1 января 1902 г., срок погашения всей суммы – 39 лет. Источниками уплаты являлись доходы морских таможен при повышении ввозной пошлины до 5% за исключением хлеба, риса и золотой и серебряной монеты; доходы местных таможен, а также налог на соль¹⁹⁷. Протокол о выплатах Китая был подписан в Пекине 25 августа 1901 г.¹⁹⁸ Сразу после этого союзные войска оставили столицу Поднебесной (17 сентября), почти одновременно они покинули и провинцию Чжили (22 сентября). Такой вариант событий, наверное, являлся наиболее предпочтительным для Пекина способом решения и маньчжурской проблемы.

8.9. Возвращение к русско-китайским сепаратным переговорам

Ещё до завершения переговоров о компенсациях всем державам Пекин снова поднял перед Петербургом вопрос о выводе русских войск из Маньчжурии, не без основания полагая, что переговоры могут длиться бесконечно, а в это время русские части будут по-прежнему располагаться на китайской территории. Ли Хунчжан опять предложил вернуться к идее отдельного, сепаратного соглашения и обратился с инициативой не в МИД, а прямо к С.Ю. Витте¹⁹⁹. Показательно, что решение возобновить обсуждение принадлежало как будто лично Ли Хунчжану, так как после получения согласия из Петербурга ему пришлось дожидаться одобрения двора²⁰⁰. Возможно, что неожиданная активизация

¹⁹⁶ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 24 мая 1901 г. // Там же. Л.5–5 об.

¹⁹⁷ М.Н. Гирс – в МИД 30 июля 1901 г. // Там же. Д.189. Л.63.

¹⁹⁸ Его полный текст – Пролог... С.131–137.

¹⁹⁹ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 20 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.49; Романов Б.А. Указ. соч. С.317.

²⁰⁰ По сведениям англичан, Ли Хунчжан просил у двора предоставить ему право обсуждать и подписать соглашение с Россией втайне от других держав. Двор согласился на переговоры Ли Хунчжана с российским посланником в Пекине (Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 5 сентября 1901 г. // PRO.FO. 65/1622. P.124).

сановника диктовалась внутрикитайскими проблемами. Примерно в это же время его конкуренты за влияние на двор Лю Кун-и и Чжан Чжидун намеревались обратиться к Японии, Англии и США для обсуждения маньчжурского вопроса, то есть, стремились вовлечь в переговоры другие страны²⁰¹. Это обещало совершенно иной расклад ситуации и новые условия возможного соглашения. Конечно, для Ли Хунчжана инициатива означала, вероятно, возвращение к прежней игре. Но обстоятельства заставляли его быть более уступчивым и энергичным. Российский посланник М.Н. Гирс даже решил, что китайский сановник готов подписать без всяких изменений прежний текст договора²⁰².

Удивительно, что российский МИД не только согласился возобновить переговоры с Китаем, но и выдвинул два странных условия: полная тайна (!) обсуждения и гарантия выполнения (!) правительством Поднебесной условий подписанного соглашения. Как показывала история предыдущих контактов, надеяться на конфиденциальность дискуссии и на соблюдение соглашения можно было лишь тогда, когда Пекин оказывался сам заинтересован в этом. В других случаях он легко предавал дело огласке, используя это в качестве верного инструмента для денонсации нежелательных обязательств чужими руками. Так как переговоры с Россией уже отражали внутрикитайские разногласия, то не удивительно, что информация о возобновлении контактов появилась в иностранной печати (Англия, Германия, Япония) уже в начале августа 1901 г.²⁰³ Своё условие для возвращения к переговорам выдвинул и С.Ю. Витте: Китаю следовало воздержаться от выдачи концессий в Маньчжурии иностранцам без согласия на сей раз не Петербурга, а Русско-Китайского банка, что, по сути, являлось одним и тем же²⁰⁴. Он также предложил перенести переговоры в Пекин.

Неутешительное завершение первого раунда переговоров с Китаем по-видимому стимулировало возобновление среди российских министров дискуссии о будущем Маньчжурии (несмотря на то, что оно было в основном предрешено правительственным сообщением в августе 1900 г.). Сначала С.Ю. Витте 11 июня 1901 г. представил график вывода русских войск, 28 июня он был принят Особым совещанием трёх министров, а 5 июля – одобрен Нико-

---

²⁰¹ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.164. Об этом 1 сентября 1901 г. сообщила японская газета «Осака майнити шимбун».

²⁰² М.Н. Гирс – в МИД 28 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.14.

²⁰³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.143. Разумеется, надо иметь в виду, что источников утечки информации могло быть множество, но, скорее всего, сведения исходили от противников соглашения с Россией.

²⁰⁴ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 23 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.50. Это сопровождалось бы также особым обязательством Русско-Китайского банка перед Министерством финансов (Романов Б.А. Указ. соч. С.326–327).

лаем II. В первую очередь предполагалось вернуть Китаю все железные дороги в Южной Маньчжурии и Чжили с возмещением России понесённых затрат (1 млн. руб.) и потребовать соблюдения Пекином англо-русского соглашения 1899 г. (которое Китай не признал). В последний момент С.Ю. Витте зачем-то добавил к ним своё излюбленное условие: предоставление КВЖД концессии на ветку по направлению к Пекину²⁰⁵.

Однако в связи с решением Особого совещания 5 июля 1901 г. передать Китаю железную дорогу Шанхайгуань–Инкоу–Синминтин В.Н. Ламздорф неожиданно поднял вопрос о судьбе Маньчжурии в целом. Рассуждая о судьбе железных дорог в Южной Маньчжурии, построенных Китаем – возвращать их Пекину или нет? – он вдруг заявил, что для России было бы заманчиво аннексировать всю Маньчжурию, тогда и передавать ничего не надо. В противном случае возвращение дорог стало бы первым шагом к очищению всей Маньчжурии²⁰⁶.

Это спровоцировало целый виток дискуссии о дальнейшей политике России на Дальнем Востоке. В возникшем обмене мнениями министра иностранных дел поддержал А.Н. Куропаткин, заявивший о желательности провести «естественное исправление границ России». Он исходил из того, что на дальневосточные приобретения Петербург истратил колоссальные средства (особенно – на освоение Ляодунского полуострова), поэтому их следует оберегать, в частности – от японцев. Для выполнения обещаний военный министр предлагал вернуть Китаю в 1902–1903 гг. Южную Маньчжурию и часть Гиринской провинции²⁰⁷. Он наметил этапы вывода войск: в 1901 г. – из юго-западной части Мукденской провинции (до р. Ляохэ), в 1902 г. – из оставшейся части Мукденской провинции, в 1903 г. – из южной части Гиринской провинции²⁰⁸.

²⁰⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.314.

²⁰⁶ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 19 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.1–4; Пролог... С.173–174. Ранее, в конце мая 1901 г. министр иностранных дел поднял другой, не менее острый вопрос о том, готова ли Россия к войне с Японией, также в связи с переговорами с Пекином. Наиболее показательным стал ответ С.Ю. Витте (в его письмах 24 и 28 мая 1901 г.): не следует идти дальше в Китай, КВЖД надо считать лишь частным (!) предприятием, в крайнем случае, придётся отказаться от соглашения 1896 г. и взять курс на союз с Токио (Романов Б.А. Указ. соч. С.312–313). Тогда это обсуждение не привело к далеко идущим выводам. Но обстоятельность дискуссии и широкий круг вопросов, затронутых в ней, позволяют предположить, что обмен письмами С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфа, вероятно, был согласован заранее, чтобы дать министру финансов возможность высказать ещё раз свои взгляды на дальневосточную политику России в целом (они заметно отличались от прежних) и поставить проблему соглашения с Пекином в общий, более широкий политический контекст.

²⁰⁷ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 30 июля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.13–22; Пролог... С.173 и далее.

²⁰⁸ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 12 августа 1901 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.44–46; Романов Б.А. Указ. соч. С.320.

Северную Маньчжурию же следовало присоединить к владениям России «на манер Бухары»²⁰⁹. Для укрепления за собой новых территорий туда предполагалось переселять русских (только для создания казачьего войска в полосу отчуждения КВЖД требовалось направить примерно 60 тыс. семей)²¹⁰. Позицию военного министра относительно Маньчжурии отличала чёткость. Но он смотрел на проблему преимущественно с точки зрения возможных военных конфликтов России, в духе своей записки «Задачи русской армии в XX столетии», игнорируя многие другие факторы – в этом крылась значительная слабость его подхода²¹¹.

Категорически против аннексии любой части Маньчжурии выступил С.Ю. Витте. В аргументах министра финансов зазвучали новые ноты. Он повторил свой тезис, что Петербургу следует воздержаться от каких-либо захватов на Дальнем Востоке, чтобы «дать населению империи собраться с силами». Всякое новое присоединение, по его мнению, обернулось бы лишь новыми значительными расходами, доходов же от Маньчжурии ждать не приходилось. Только поддержание порядка на Квантуне во время боксёрского восстания обошлось России, по данным С.Ю. Витте, в 20 млн. руб. Он резонно полагал, что для всей Маньчжурии придётся изыскивать многократно большую сумму. Кроме того, аннексия ухудшила бы и без того непростые отношения с Китаем и создала бы угрозу войны с Японией. Даже в случае её победоносного завершения министр финансов ожидал для России «гибельные последствия»²¹². Такой взгляд также страдал известной односторонностью: С.Ю. Витте как будто исходил исключительно из интересов казны, предав забвению сделанные ранее по его же настояниям затраты. Создаётся впечатление, что он решил совершенно порвать с предыдущей политикой и перейти к иной программе действий. Если бы не некоторые обстоятельства, в частности, устойчивое стремление к концессии на дорогу до Стены и опасение за увеличение таможенных пошлин во внутренних областях Китая, этому можно было бы поверить. Резоннее предположить, что министр финансов пока отложил свои мечтания в долгий ящик, но, тем не менее, не упускал случая при удобном стечении обстоятельств, если и не возвращаться к ним, то, по крайней мере, иметь их в виду. Своими же предложениями он стремился, прежде всего, умерить аппетиты военных.

²⁰⁹ То есть, не вмешиваться во внутренние дела, ограничившись протекторатом.

²¹⁰ А.Н. Куропаткин – Д.С. Сипягину 21 августа 1901 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.47–51.

²¹¹ Б.А. Романов трактует эту дискуссию исключительно с позиций вывода русских войск и борьбы министров вокруг этого (Романов Б.А. Указ. соч. С.314–315).

²¹² С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 23 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.764. Л.77–79; Пролог... С.174–175.

После обмена мнениями между А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте, оказавшимися почти противоположными, В.Н. Ламздорф резюмировал, что о присоединении Маньчжурии речь идти не может, то есть легко отверг собственное предположение. Поэтому он подготовил новый проект соглашения с Пекином о выводе русских войск. Согласно документу Петербург обязывался отвести все войска за год и завершить процесс летом 1903 г. От Китая требовалось лишь подтвердить уже имеющиеся права КВЖД и разрешить строительство ветки до Великой стены. Всякие ограничения в выдаче иностранцам концессий исчезли²¹³. С.Ю. Витте не возражал. Он ещё раз промолчал, когда МИД удалил из проекта и требование концессии на дорогу до Великой стены²¹⁴. Было бы странно, если у министра финансов, так озаботившегося благосостоянием россиян, вдруг нашлись бы значительные деньги для строительства дорогостоящей магистрали в Китае, непонятно зачем нужной России и совершенно не сулившей прибыли даже в перспективе.

Оставалось решить вопрос с предложениями А.Н. Куропаткина. 14 августа 1901 г. два министра побывали на аудиенции у Николая II, где им пришлось вести дискуссию в присутствии монарха, после которой царь поддержал главу внешнеполитического ведомства. Прежний, февральский проект соглашения с Китаем окончательно отвергли, вместо него взяли последний вариант В.Н. Ламздорфа с добавлениями С.Ю. Витте: Пекин заключает соглашение о концессиях с Русско-Китайским банком, русская дипломатическая миссия в Поднебесной в этом не участвует²¹⁵.

Очевидно, что такое решение вряд ли можно признать удачным. По сути, договор китайского правительства с банком, никак не оговорённый в общем соглашении, мог быть разорван Пекином в любой момент или просто не выполнялся бы с самого начала. У руководства Срединной империи в таком случае имелся хороший аргумент: это соглашение ущемляло суверенные права государства, и министры легко получили бы поддержку других держав, если бы решили отклонить возлагаемые на них обязательства. Кроме того, договор легко обходился: достаточно было представить вместо иностранца китайца – и любая концессия у вас в руках. Также непонятно, где С.Ю. Витте намеревался изыскать огромные суммы для того, чтобы скупить все заслуживающие внимания концессии в Маньчжурии, богатой полезными ископаемыми, которые

²¹³ Проект соглашения о Маньчжурии, составленный В.Н. Ламздорфом // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.29–31; Пролог... С.176–177.

²¹⁴ Второй проект соглашения о Маньчжурии, составленный В.Н. Ламздорфом // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.38–40; С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 9 августа 1901 г. // Там же. Л.41.

²¹⁵ С.Ю. Витте – Д.М. Поздневу 16 августа 1901 г. // Там же. Л.61; Симанский П.Н. Указ. соч. С.138–140.

Пекин мог выставить на продажу? Отказ же приобрести концессию китайцы истолковали бы как разрешение продать её иностранцам²¹⁶. Очевидно, что все подобные ограничения носили скорее ритуальный характер и походили на желание сохранить лицо при скверной игре.

Тем не менее, С.Ю. Витте принял ряд мер для концентрации в своих руках хотя бы части наиболее существенных концессий, уже выставленных к продаже. В частности, для этой цели в 1902 г. было создано Маньчжурское горнопромышленное товарищество²¹⁷. По-видимому, министр финансов полагал, что все концессии, которые удастся приобрести в Маньчжурии, должны находиться в его руках.

Определённой страховкой межправительственного соглашения С.Ю. Витте рассматривал договоры русских властей с цзянь-цзюнями, категорически отказываясь их денонсировать, о чём настойчиво просил Ли Хунчжан²¹⁸. Одновременно, чтобы сделать китайца сговорчивее, С.Ю. Витте уполномочил своего агента в Китае пообещать ему очередную взятку²¹⁹. Д.М. Позднеев же, полагая, что российский МИД будет вести подготовку и второго соглашения (с банком), решил по собственной инициативе занять более жёсткую позицию и заявил в Пекине, что Россия настаивает на подписании договора с банком **до** соглашения о выводе войск, а не одновременно. Эту «дипломатию» чиновник финансового ведомства вёл втайне от МИДа²²⁰. Впрочем, В.Н. Ламздорф сам додумался до такого шага и чуть позже (13 сентября 1901 г.) дал указание в этом смысле новому посланнику в Китае П.М. Лессару²²¹.

Не удивительно, что сделанные Россией уступки вновь не устроили китайское руководство. Ли Хунчжан стал просить Петербург не лишать Пекин военной власти в Маньчжурии и не препятствовать извлечению им прибыли из собственных недр (намекая на концессии). Правда, китаец обе-

²¹⁶ М.Н. Гирс – в МИД 17 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.65.

²¹⁷ Подробнее см. главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

²¹⁸ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 24 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.95.

²¹⁹ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 23 августа 1901 г. // Там же. Л.87. С.Ю. Витте распорядился пообещать Ли Хунчжану выплатить 300 тыс. руб. **после** окончательного утверждения соглашения (Романов Б.А. Указ. соч. С.324).

²²⁰ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 27 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.97.

²²¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.141. П.М. Лессара отличала систематичность и собственное видение российской политики в Китае. Он намеревался преследовать прежде всего крупные цели, «не гоняясь за мелочами, не вызывая протест иностранцев», а также отказаться от незаконного удержания Инкоу и т.п. Д.М. Позднеев полагал, что посланнику предстоит тяжёлая борьба с Е.И. Алексеевым, привыкшим к иному образу действий по отношению к Пекину (Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 15 (28) сентября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.3. Л.139–141).

щал, что правительство не будет выдавать концессии в Маньчжурии иностранцам, но по опыту предыдущих переговоров, он мог в любой момент отказаться от любых своих слов²²². Пекин в качестве ответа Петербургу прибёг к традиционному для себя ходу: сведения о новых требованиях России тут же попали в прессу. Слухи о ведущихся сепаратных переговорах одновременно распространились в Порт-Артуре и Тяньцзине, вызвав нешуточную обеспокоенность японцев²²³. Вероятно, что утечка исходила от противников Ли Хунчжана, так как он принял принцип одновременности двух соглашений и был склонен продолжать переговоры, кое в чём уступая русским.

Тем не менее, когда 27 сентября 1901 г. Д.М. Позднеев (он замещал тогда Д.Д. Покотилова) представил Ли Хунчжану проекты двух соглашений, он столкнулся с новыми препятствиями. Китаец сразу возразил против первенства Русско-Китайского банка во всех концессиях в Маньчжурии: когда он соглашался на это, то имел в виду только горные разработки. С.Ю. Витте и Д.М. Позднеев настаивали на своей трактовке (все концессии). Дальнейшие попытки Ли Хунчжана денонсировать договор В.Ф. Любы с гиринским цзянь-цзюнем вызвали решительный протест посланника П.М. Лессара: в случае согласия с пекинским сановником местные китайские власти вообще перестанут иметь дело с русскими чиновниками²²⁴. В итоге Ли Хунчжану не удалось настоять на ликвидации соглашения В.Ф. Любы с гиринским цзянь-цзюнем²²⁵. Не удивительно, что натолкнувшись на жёсткое сопротивление, китайский сановник отказался подписывать соглашения²²⁶. Его не остановила даже угроза, что в этом случае С.Ю. Витте «уже не будет так щедр», то есть не выдаст обещанного ему 1 млн. руб.²²⁷

---

²²² М.Н. Гирс – в МИД 18 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.69; Романов Б.А. Указ. соч. С.318.

²²³ Телеграмма И.Н. Протасьева в Министерство финансов 29 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.99; телеграмма Д.М. Позднеева С.Ю. Витте 30 августа 1901 г. // Там же. Л.100, Д.15. Л.82; Романов Б.А. Указ. соч. С.322.

²²⁴ П.М. Лессар – в МИД 23 сентября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.168; Романов Б.А. Указ. соч. С.327.

²²⁵ Д.М. Позднеев – И.П. Шипову 24 сентября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.116.

²²⁶ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 2 октября 1901 г. // Там же. Л.172; Симанский П.Н. Указ. соч. С.142. Б.А. Романов подметил, что это Ли Хунчжан настаивал на внесении в общее соглашение пункта о Русско-Китайском банке, а Россия была категорически против: в таком случае появлялись возможности опротестовать его, придав огласке (Романов Б.А. Указ. соч. С.322–324). Тем не менее, Пекин стремился ликвидировать уязву двух соглашений (С.329).

²²⁷ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 2 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.174.

К общему соглашению об эвакуации Маньчжурии у китайцев претензий не имелось. По крайней мере, пока. Однако Ли Кун-и и Чжан Чжидун сразу заявили, что сроки эвакуации из Маньчжурии русских войск слишком растянуты, а передача китайской армии в северной части империи в руки исключительно русских инструкторов недопустима. Они исходили из того, что согласие на требования Петербурга рискует вызвать цепную реакцию, поэтому заключили: «лучше оскорбить Россию, чем создать прецедент, которому могли бы последовать другие державы»²²⁸. Очевидно, что манёвры Пекина вокруг договора с банком были нацелены также и на ликвидацию уязвки двух документов. Но здесь уже посланник П.М. Лессар категорически отказался подписывать только одно соглашение²²⁹. Переговоры в очередной раз зашли в тупик.

В Петербурге опять стали размышлять о том, что делать дальше. В.Н. Ламздорф предлагал идти по пути дальнейших уступок. Он справедливо полагал, что любое секретное соглашение Пекин мог немедленно разгласить, поэтому его следовало сделать менее уязвимым для критики державами²³⁰. Взяв за образец соглашение китайцев с Р. Морганом об устройстве Нючжуанской компании, министр предложил дополнить его статьёй, что в случае отказа Русско-Китайского банка от концессии этот факт закрепляется обменом нот. В.Н. Ламздорф решил, что это и есть тот текст, к которому у держав не имелось бы претензий²³¹. В общем, ход графа был неплохим, но он не снимал проблему в целом. С.Ю. Витте также предложил уточнить ряд моментов. Он отказывался от формулировки «естественные богатства», заменяя её перечислением (руды, железные дороги и промышленные предприятия), в случае отказа банка приобрести концессию, китайские власти могли продать её только тем клиентам банка, которые пользовались исключительно его услугами (то есть, концессии всё равно не выходили бы из-под контроля российских властей)²³².

²²⁸ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.371. Об этом сообщил «Shanghai Mercury» 26 октября 1901 г.

²²⁹ П.М. Лессар – в МИД 2 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.180. В ответ дипломат получил разрешение Николая II согласиться на межгосударственный трактат без упоминания договора с банком (Там же. Л.181). Но это не могло быть указанием подписать **только один** документ. П.М. Лессару и не следовало участвовать в заключении соглашения с **частным** банком, как было установлено ещё перед началом второго раунда переговоров.

²³⁰ Об этом же писал С.Ю. Витте Д.М. Позднеев ещё в июле 1901 г. (Романов Б.А. Указ. соч. С.324).

²³¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.145.

²³² В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 9 октября 1901 г. и ответ министра финансов в тот же день // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.187, 188.

Ли Хунчжан сразу не возразил против новых уточнений текста, однако уже 13 октября 1901 г. он вдруг попросил внести изменения в проект межгосударственного соглашения. Китаец хотел, чтобы повинность содержать китайскую армию распространялась и на маньчжурские провинции: южные генерал-губернаторы требовали равноправия китайских регионов в вопросе содержания вооружённых сил. Вдобавок китайский сановник признался, что новую редакцию соглашения он ещё не сообщил двору²³³. Вопрос о заключении сепаратного соглашения окончательно разладился: в ответ С.Ю. Витте также начал вносить свои изменения, в частности, добавил в соглашение с банком упоминание о договоре В.Ф. Любы с гириным цзянь-цзюнем²³⁴.

Тем не менее, руководство МИД делало хорошую мину при плохой игре: оно уверяло иностранных дипломатов в Петербурге, что переговоры с Китаем идут успешно и что они с часу на час ждут известия из Пекина о подписании соглашения. Похоже, что это было не лукавство, а искреннее заблуждение. Английский посол Ч. Хардинг, не сомневавшийся в успехе России, беспокоился за британские интересы в Китае. В.Н. Ламздорф его великодушно заверил, что в тексте документа нет статей, нарушавших английские права²³⁵. Русские условия широко обсуждались в печати на Дальнем Востоке, причём сведения о них были весьма точными. 6 октября 1901 г. корреспондент «Токио asashi» сообщил текст проекта, главными условиями были: монополия на рудники и железные дороги в Маньчжурии, вывод русских войск в три этапа за два года, исключительно русские военные инструкторы в китайской армии. Схожие сведения, но с некоторыми изменениями опубликовал «Shanghai Mercury»: эвакуация частей не за два года, а за год, а также возвращение китайцам железной дороги Шанхайгуань – Нючжаун после компенсации расходов за её обслуживание²³⁶. В скорое оформление документов верил и С.Ю. Витте, по его версии, этого не случилось из-за нерешительности (!) богдыхана и из-за желания князя Цина внести в документ ещё ряд поправок²³⁷.

Неожиданно в ход переговоров вмешалась скоропостижная смерть Ли Хунчжана. 31 августа 1901 г. он получил отпуск «по болезни», но продолжал активно участвовать в переговорах с Россией. Недуг быстро брал своё, Ли Хунчжан почувствовал себя слабым, поэтому вызвал из Шанхая

²³³ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 13 октября 1901 г. // Там же. Л.207.

²³⁴ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 14 октября 1901 г. // Там же. Л.210.

²³⁵ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 29 октября 1901 г. // PRO FO. 65/1623. P.70–71. Возможно, В.Н. Ламздорф в ответ на действия китайцев стал больше рассказывать англичанам о ходе русско-китайских переговоров, резонно полагая, что они и так узнают об этом в Пекине.

²³⁶ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к Известиям Восточного института. II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.331–332.

²³⁷ Пролог... С.177, 179.

второго сына. 19 октября (1 ноября) у него горлом пошла кровь, а 25 октября (7 ноября) 1901 г. в 11.15 престарелый китайский сановник скончался в Пекине.

В России это событие вызвало растерянность и ощущение потери важного сторонника (думаю, что сильно преувеличенные). С.Ю. Витте в замешательстве спрашивал Д.М. Позднеева, что делать и нельзя ли срочно найти другого продажного сановника²³⁸. Но это также свидетельствовало, что министр финансов так и не понял, с кем он имел дело. Несмотря на то, что в историографии, особенно китайской, к этому видному государственному деятелю позднецинского Китая никогда не было однозначного отношения²³⁹, нет никаких убедительных данных для того, чтобы обвинять Ли Хунчжана в действиях в интересах России. Все его инициативы диктовались общим курсом Пекина на маневрирование между потенциальными агрессорами, а уступки никогда не противоречили желаниям китайских властей. Когда же интересы Китая серьёзно затрагивались, Ли Хунчжан оказывался неприступен. Если он и уступал, то самую малость, купленной марионеткой он не был точно. Рецепт опытного сановника оказался прост: и взятки брать, и свою политику вести. Поэтому реакция Петербурга скорее свидетельствовала о том, что там не вполне осознавали китайские реалии и бесосновательно уповали на тесные, конфиденциальные отношения с Ли Хунчжаном²⁴⁰.

Вместо того чтобы сделать вид, что ничего непоправимого для переговоров не случилось, началась малообъяснимая суэта. В.Н. Ламздорф немедленно призвал российского посланника в Пекине к осторожности и решил развести переговоры, оставив обсуждать общее соглашение в Пекине и намереваясь перенести дискуссию о деталях соглашения с Русско-Китайским банком в Петербург²⁴¹. Китайцы отнеслись к смерти Ли Хунчжана гораздо спокойнее. Главным уполномоченным для переговоров с Россией стал князь Цин. Д.Д. Покотиллов сразу попытался «расположить» его к себе подарками,

²³⁸ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 25 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.66. Д.М. Позднеев ответил уклончиво: «заинтересовать кого-либо материально, по моему мнению, представлялось бы пока преждевременным» (его ответная телеграмма 26 октября 1901 г. // Там же. Л.67).

²³⁹ См.: Лян Цичао. Лихунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905.

²⁴⁰ Так, П.Н. Симанский заключил, что после смерти Ли Хунчжана в русско-китайских переговорах произошли серьёзные изменения, правда, он не привёл при этом убедительных свидетельств (Симанский П.Н. Указ. соч. С.146). В.Н. Ламздорф заявил англичанам, что со смертью Ли Хунчжана остановился прогресс в русско-китайских переговорах и всячески восхвалил китайца (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 20 ноября 1901 г. // PRO FO. 65/1623. P.136–137).

²⁴¹ В.Н. Ламздорф – П.М. Лессару 31 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.6–7.

но, кажется, безуспешно²⁴². Новый уполномоченный взял месячную паузу в обсуждении, объяснив её тем, что ему надо посетить двор в Сианьфу. Вернувшись, князь Цин 28 ноября 1901 г. встретился с Д.М. Позднеевым и повторил прежнюю позицию Китая: Пекин желал сократить срок вывода русских войск из Маньчжурии в межгосударственном соглашении (к концу 1902 г.) и требовал внесения существенных изменений в договор с банком, которые позволили бы ему не терять лица, как перед иностранцами, так и перед своими подданными. То есть – и самим эксплуатировать маньчжурские недра²⁴³. На деле это означало, что неясная фраза о сохранении лица, высказанная ещё Ли Хунчжаном, является отказом от обещанной ещё в 1900 г. им монополии России на маньчжурские концессии, в том числе и в горных промыслах²⁴⁴. С.Ю. Витте наконец сообразил, что «под флагом китайского правительства или концессионеров-китайцев явятся иностранцы»²⁴⁵, и что Пекин желал придать соглашению с Россией туманный характер, чтобы впоследствии уклониться от его соблюдения²⁴⁶. Против изменений в соглашении был настроен и А.Н. Куропаткин, утверждавший, что быстро вывести русские войска из Маньчжурии невозможно²⁴⁷.

Своими действиями князь Цин подтверждал, что Китай после Ли Хунчжана продолжит прежнюю линию на переговорах: выторговывать у России дальнейшие уступки и тянуть время, полагаясь на негативную реакцию держав. Чем больше информации поступало о сепаратных переговорах, тем больше недовольства проявляла Англия. По сообщениям китайской прессы, английский посланник Э. Сатоу заявил Юань Шикаю, что если Китай согласится на русские условия, то державы перестанут считать его независимым. По мнению англичан, Пекину следовало взять в свои руки управление Маньчжурией и морскими таможами, настояв на выводе русских войск в течение года после возвращения двора в Пекин²⁴⁸. США, несмотря на то, что официально

²⁴² Д.Д. Покотилов позднее сообщил, что на подарки князю Цину он израсходовал 33 600 лан (40 656 руб.) (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 18 марта 1902 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.92). Но размер затрат сильно уступал суммам, обещанным и выплаченным Ли Хунчжану (сотни тыс. руб.) Кажется, прямо деньги Цину не предлагались.

²⁴³ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 28 ноября 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.201. Л.15.

²⁴⁴ Симанский П.Н. Указ. соч. С.146–147.

²⁴⁵ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 1 декабря 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.18.

²⁴⁶ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 17 декабря 1901 г. // Там же. Л.29.

²⁴⁷ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 16 декабря 1901 г. // Там же. Л.51–52.

²⁴⁸ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к Известиям Восточного института. II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.427. Об этом сообщил «Shanghai Mercury» 24 декабря 1901 г. Газета подчеркнула, что если бы не давление иностранцев, то слабохарактерный князь Цин давно бы пошёл на уступки русским, а вслед за этим и другие державы потребовали бы себе подобных привилегий (С.412).

уверяли Петербург в расположении, тем не менее, ожидали заверений, что соглашение о Маньчжурии не затронет их интересы, и на деле поддержали английское требование к Пекину – вообще не заключать никакого договора с русскими²⁴⁹. Япония в тот момент от прямых протестов против действий России уклонилась – это было время визита в Петербург маркиза Х. Ито и некоторых надежд на возможное урегулирование отношений с северным соседом). В Стране восходящего солнца внимательно следили за ходом русско-китайских переговоров. 24 декабря 1901 г. японская газета «Токуо asashi» опубликовала телеграмму, полученную из Пекина, с известием, что китайское руководство отвергло условия России: русские инструкторы в армии, предоставление концессий в Маньчжурии исключительно русским и китайцам, первоочередное право Петербурга на приобретение шанхайгуаньской железной дороги, если она будет продаваться²⁵⁰. Позднее корреспондент уточнил, что в русских условиях исчезли требования о военных инструкторах и о монополии на горные разработки. Тем не менее, Китай по-прежнему не устраивали ограничения на дислокацию войск в Маньчжурии и трехлетний срок вывода русских частей²⁵¹. Японцы демонстрировали спокойствие ещё и потому, что верно оценили ситуацию: «Россия теперь уступает шаг за шагом, и момент подписания договора [на китайских условиях – И.Л.] уже недалёк»²⁵². Тем не менее, в Пекине представители Токио обещали поддержку²⁵³.

Россия же продолжала бесперспективные попытки добиться от Пекина согласия на собственный вариант соглашения. Даже С.Ю. Витте упрямо настаивал на условии, чтобы все концессии в Маньчжурии выдавались исключительно через Русско-Китайский банк (в случае отказа банка приобрести ту или иную концессию она предлагалась только его клиентам)²⁵⁴. Князь Цин категорически возражал, ссылаясь при этом на вероятные протесты иностранцев²⁵⁵.

В такой ситуации министр финансов первым принял решение вновь уступить. Он запросил Д.Д. Покотилова, считает ли тот возможным принять статью в редакции князя Цина, опасаясь, чтобы своей неопределённостью она

²⁴⁹ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 7 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.55–60.

²⁵⁰ Shanghai Mercury. 1901. 28 декабря // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.439.

²⁵¹ Japan Weekly Times. 1902. 18 января // Там же. С.464.

²⁵² Japan Weekly Times. 1902. 8 февраля // Там же. С.598.

²⁵³ Романов Б.А. Указ. соч. С.342.

²⁵⁴ Редакция соглашения [китайского правительства с Русско-Китайским банком] согласно последним, одобренным министром финансов, изменениям // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.77; Романов Б.А. Указ. соч. С.344.

²⁵⁵ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 20 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.86.

«не дала возможности иностранцам наводнить Маньчжурию»²⁵⁶. Тут ещё и подоспела нота США от 21 января (3 февраля) 1902 г., в которой от России уже требовали признать свободу торговли в Маньчжурии (документ, кстати, очень приободрил князя Цина)²⁵⁷. Американцев беспокоило не общее соглашение об эвакуации русских войск из Маньчжурии, а лишь договор Пекина с Русско-Китайским банком²⁵⁸. В российском МИДе понимали, что недовольство США и других стран, в частности, Японии (переговоры Х. Ито в Петербурге уже завершились неудачей)²⁵⁹, вызывал пункт о монополии Русско-Китайского банка в обслуживании концессий, именно это положение не соответствовало международным трактатам²⁶⁰.

В Японии казалось, что требование России на монополию концессий в Маньчжурии невероятно: Китай находился в безвыходном положении, если бы он согласился, ему пришлось бы удовлетворить требования и других держав²⁶¹. В конце февраля в печати появилось интервью одного из главных русофобов принца А. Коноэ, в котором он заявлял, что никогда не признает «русскую Маньчжурию», уж лучше воевать с Петербургом²⁶².

Не все страны горячо протестовали против действий России в Северном Китае. Итальянский король Виктор Эммануил без всякого недовольства заметил российскому послу А.И. Нелидову 16 февраля 1902 г.: «Вы уже владеете Маньчжурией и останетесь в ней». Тем не менее, дипломат разъяснил ему официальную позицию Петербурга: Россия не намерена присоединять к себе Маньчжурию, а защищает лишь собственные интересы там, фактически

²⁵⁶ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 22 января 1902 г. // Там же. Л.91; Симанский П.Н. Там же. С.150.

²⁵⁷ П.М. Лессар – в МИД 25 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.110; Романов Б.А. Указ. соч. С.345–346.

²⁵⁸ П.М. Лессар – в МИД 21 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.97.

²⁵⁹ Российский посланник в Токио А.П. Извольский имел объяснение с министром иностранных дел Ю. Комура по поводу готовящегося соглашения Русско-Китайского банка с правительством Поднебесной. Министр не скрыл, что он хорошо осведомлён из Пекина о содержании переговоров. Ю. Комура подчеркнул, что считает недопустимым закрепление за банком монопольных прав и что Япония не препятствовала бы соглашению, если речь в нём шла только об определённом виде концессий или строго очерченной территории, например, полосе отчуждения КВЖД (А.П. Извольский – в МИД 10 февраля 1902 г. // Там же. Д.202. Л.1–2). Это, очевидно, открывало путь к дискуссии и по корейскому вопросу, но в Петербурге не обратили на это внимания.

²⁶⁰ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 2 февраля 1902 г. // РГИА. Там же. Д.207. Л.17–18; Симанский П.Н. Там же. С.150–154.

²⁶¹ Japan Mail. 1902. 6 февраля // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.601.

²⁶² Там же. С.664.

дезаурировав согласие на политику «открытых дверей», данное Вашингтону. «Можно спокойно смотреть на дверь, открытую в доме соседа, живущего через улицу, но нельзя не наблюдать за входом в смежный с собственным владением дом, с которым есть прямое сообщение». Аналогия была призвана обосновать вывод: политика «открытых дверей» «имеет разное положение по отношению к взаимному положению государств»²⁶³. Возможно, для итальянцев такая тирада и выглядела убедительно, но вот для других – нет.

Д.Д. Покотилов признал: протест американцев спровоцировали некорректные действия России в Нючжуане²⁶⁴. Благодаря таким разъяснениям С.Ю. Витте, подумав, снял два условия: он допустил в Маньчжурию иностранный капитал и разрешил приобретать концессии тем, кто не являлся клиентами Русско-Китайского банка²⁶⁵. Министр финансов решил искать удовлетворения своим намерениям, перенеся центр тяжести на отдельные договора банка с цзянь-цзюнями относительно предоставления кредитному учреждению прав на наиболее лакомые концессии в Маньчжурии (золото, железо, нефть, никель, каменный уголь и лес)²⁶⁶. Он понимал, что концессионеры «за недостатком у нас свободных капиталов поневоле должны будут искать денежной помощи за границей»²⁶⁷. Но С.Ю. Витте намеревался жёстко настаивать на монополии Русско-Китайского банка в обслуживании концессий, понимая, что иначе как договорным путём сохранить контроль за ними невозможно²⁶⁸. Ряд концессий он хотел бы оставить за КВЖД²⁶⁹. В крайнем случае министр финансов соглашался, чтобы концессии испрашивались на частных лиц, но с обязательной возможностью их переуступки²⁷⁰.

²⁶³ А.И. Нелидов – в МИД 26 февраля 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.112–113.

²⁶⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 6 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.125–126. По-видимому, имеются в виду установление контроля за таможенными и требование Китаю оставить санитарный надзор за русскими врачами.

²⁶⁵ Проект соглашения [китайского правительства с Русско-Китайским банком], составленный 26 января 1902 г. // Там же. Л.102.

²⁶⁶ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилову 4 февраля 1902 г. // Там же. Д.207. Л.21.

²⁶⁷ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 30 января 1902 г. // Там же. Л.12. Аналогичную телеграмму, но уже в виде инструкции министр финансов направил Д.Д. Покотилову 4 февраля 1902 г. (Там же. Оп.22. Д.211. Л.79). В число желаемых к получению входила и лесная концессия на китайском берегу р. Ялу.

²⁶⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 февраля 1902 г. // Там же. Оп.28. Д.207. Л.20. Это одно из красноречивых признаний того, что министр финансов отказался от чисто экономического завоевания даже не Китая, а Маньчжурии, понимая, что это совершенно невозможно (Романов Б.А. Указ. соч. С.369).

²⁶⁹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 10 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.207. Л.30–31.

²⁷⁰ С.Ю. Витте – А.И. Юговичу 13 февраля 1902 г. // Там же. Л.41.

Но и на этом пути Россию поджидало немало трудностей. Так, Д.Д. Покотилов сообщил, что мукденский цзянь-цзюнь не хочет выдавать безобразовцам лесную концессию на р. Ялу (помимо П.М. Лессара в Пекине переговоры о ней на месте вёл С.А. Колоколов)²⁷¹. Китайский чиновник увязал предоставление концессии с выводом русских войск из Шеньцзинского фудутунства. Он получил указание из Пекина не предоставлять русским никаких льгот²⁷². Д.Д. Покотилов также выяснил, что иностранцы уже всю действовали в Маньчжурии: японцы намеревались взять концессию на уголь около Мукдена, а американцы якобы уже получили право на серебряные разработки под Гирином²⁷³. Единственным успехом стало, пожалуй, заключение соглашения между КВЖД и хэйлуцзянским цзянь-цзюнем, разрешавшее добычу угля, и то оно было подписано задним числом, так как из Пекина пришёл запрет на выдачу концессий²⁷⁴.

Впрочем, усилия министра финансов оказались напрасны: 30 января 1902 г. Д.Д. Покотилов сообщил, что 29 января (11 февраля) князь Цин уведомил его о решении Китая вообще прекратить переговоры, объяснив его протестами США и Японии против договора с Русско-Китайским банком²⁷⁵. Возможно, что Пекин осмелел, получив известие о заключении англо-японского союза 17 (30) января 1902 г., поддержанном, кстати, Вашингтоном. Руководство Китая почувствовало себя настолько уверенно, что стало требовать от России заключить соглашение об эвакуации Маньчжурии без всяких дополнительных договоров, угрожая в противном случае обратиться за содействием в этом вопросе к другим державам²⁷⁶. До начала 1902 г. столь определённый и резкий тон не был свойственен правительству Поднебесной в переговорах с Россией.

В ответ С.Ю. Витте опять отступил. Он сообщил В.Н. Ламздорфу: надо идти на соглашение с Китаем, хотя бы оно оказалось «менее совершенное по форме и отчасти по существу». Продолжать оккупацию Маньчжурии министр финансов в любом случае считал невозможным²⁷⁷. В.Н. Ламздорф не только полностью принял позицию С.Ю. Витте, но и указал А.Н. Куропат-

²⁷¹ Подробнее об этом см. главу 9 «Безобразовцы: царская “неофициальная” политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.».

²⁷² Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 12 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.207. Л.58–59.

²⁷³ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 16 февраля 1902 г. // Там же. Л.44.

²⁷⁴ А.И. Югович – С.Ю. Витте 24 февраля 1902 г. // Там же. Л.48–50.

²⁷⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 30 января 1902 г. // Там же. Д.201. Л.118; Симанский П.Н. Указ. соч. С.154.

²⁷⁶ П.М. Лессар – в МИД 12 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.128–129.

²⁷⁷ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 20 февраля 1902 г. // Там же. Л.131–133; Романов Б.А. Указ. соч. С.347. Б.А. Романов связал уступчивость министра финансов также с заключением англо-японского союза.

кину на недопустимость сепаратных агрессивных действий Военного министерства в Маньчжурии²⁷⁸. Фактически это являлось признанием полного поражения в попытке закрепить экономические преимущества России в Северном Китае договорным путём – политики, которой С.Ю. Витте следовал в 1900–1902 гг. и которая пришла на смену его предыдущего курса на экономическое доминирование Петербурга в большей части Китая и вообще в Азии с первой половины 1890-х гг. Своеобразный приговор этому курсу вынес П.М. Лессар, также, кстати, предложивший всё-таки подписать соглашение с Китаем о выводе войск (одностороннее заявление означало бы установление враждебных отношений с Пекином): «Требование монополии концессий [в Маньчжурии – И.Л.] вооружило против нас и тех, которые обыкновенно оставались нейтральными. Все иностранные представители, кроме французского, давали враждебные нам советы, китайцы их слушали и всё более и более приходили к убеждению, что мы их единственные недруги и, наконец, под влиянием японско-английского соглашения стали мечтать даже об удалении нас из Маньчжурии при помощи иностранцев без всяких условий. Только русско-французская декларация (данная в ответ на англо-японский союз – И.Л.) восстановила равновесие²⁷⁹. Китайцы поняли, что зашли слишком далеко и сразу изменили тон отношений»²⁸⁰. П.М. Лессар ещё с оптимизмом воспринимал происходящее. Дальнейшие события показали, что отношение Пекина к России менялось лишь в худшую сторону. Д.Д. Покотилов сообщал: «не подлежит, конечно, сомнению, что именно уступчивость наша и является главной причиной китайской медлительности. По всем маньчжурским вопросам китайцы бегают теперь за советом в японскую миссию, где, конечно, им рекомендуют стараться выжимать из нас всё возможное, с обещаниями поддержки и помощи в случае нашего упорства»²⁸¹. А.Э. Дмитриев-Мамонов дополнил: «По моему мнению, наше господствующее положение в чисто банковском деле не должно быть основано на договорах, вынужденных силой»²⁸².

²⁷⁸ В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткину 22 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.135–136.

²⁷⁹ Русско-французская декларация, принятая 3 (16) марта 1902 г., выражала удовлетворение тем, что одной из целей англо-японского договора 17 (30) января 1902 г. стороны объявили «подтверждение существующих начал» в делах Дальнего Востока. Конечно, это был слабый, но всё же ответ новому союзу (её текст см.: Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С.154).

²⁸⁰ П.М. Лессар – в МИД 27 марта 1902 г. // Там же. Д.202. Л.4.

²⁸¹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 18 марта 1902 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.88.

²⁸² А.Э. Дмитриев-Мамонов – А.Ю. Ротштейну 12 апреля 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.883. Л.153 об.

Свои аргументы имелись и у тех, кто был против сдачи позиций. Так, военный агент в Японии В.К. Самойлов рассуждал: если Россия очистила бы Маньчжурию, даже настояв на подписании сепаратного договора, то это всё равно демонстрировало бессилие не Пекина, а Петербурга. В этом случае иностранцы усилили бы давление, стремясь открыть для внешней торговли новые порты и т.д.²⁸³ Но у этой позиции имелась очевидная слабость: как ни поступи, а Россия всё равно терпела бы ущерб. По логике вещей, следовало бы проанализировать последствия, чтобы минимизировать риски и потери. Однако об этом никто тогда не позаботился. Справедливо заключение Б.А. Романова: «Чем дольше длилась такая бессрочная <...> оккупация, тем легче маньчжурский вопрос мог быть обращён для России в предмет острого международного конфликта»²⁸⁴.

8 марта 1902 г. С.Ю. Витте прямо признал перед Николаем II неудачу переговоров с Китаем по поводу заключения соглашения от имени Русско-Китайского банка из-за протестов США, Англии и Японии. Министр финансов, однако, предполагал продолжить переговоры, уже от имени КВЖД, активно используя взятки, а также стремиться к приобретению (!) земельных участков в Маньчжурии²⁸⁵.

8.10. Русско-китайское соглашение 26 марта 1902 г.

Русско-китайское соглашение о выводе войск из Маньчжурии было подписано 26 марта (8 апреля) 1902 г. в Пекине. В обмен на удаление воинских частей из Маньчжурии Россия получила подтверждение Китаем контракта на строительство КВЖД (косвенно это можно было трактовать так, что союзный договор 1896 г. уже не действует). Из договора исчезло практически всё, на чём пытался настоять Петербург, за исключением обязательства Китая не строить железных дорог в Маньчжурии без предварительного соглашения с Россией. Русско-Китайский банк и какие-либо концессии вообще не упоминались. По моему убеждению, сам договор нельзя рассматривать только как неудачу России, но он означал невозможность проведения политики «договорных преимуществ», к которой прибёг С.Ю. Витте после краха экономической экспансии.

История подготовки сепаратного соглашения стала первым крупным провалом прежде всего для С.Ю. Витте, который чаще всего играл в этих переговорах ключевую роль. В ходе обсуждений явственно проступили изменения

²⁸³ В.К. Самойлов – Е.И. Алексееву 17 июля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.139. Л.3–8.

²⁸⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С.292–293.

²⁸⁵ Всеподданнейшая записка С.Ю. Витте 8 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.80–83.